

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (Ю.А. Красин):

Вы ищите измеряемые параметры. Есть ли в вашем предмете исследования, а именно, в общественной деятельности, то, что нельзя измерить?

Ответ:

Предмет моего исследования, результаты которого я докладывал, это не общественная деятельность. Он более узок и конкретен — это научная деятельность в сфере гуманитарных наук. Плюс, уточняя, пространство фабрик мысли и результативность этой цепочки. Неизмеримых показателей, на мой взгляд, в этой цепочке нет. Для любого вызова можно придумать соответствующую шкалу. Более того, если какой-то исследователь, в данном случае я, беру на себя обязательство провести диагностику чего-нибудь, то я обязан либо изобрести «градусник», чтобы эту диагностику измерить, либо я должен развести руками и сказать: «Я не знаю, что это такое, то ли наука, то ли не наука. Я не знаю, что по этому поводу сказать». И отказаться от этой цели.

Вопрос (Р.Г. Апресян):

Я разделяю вашу неудовлетворенность отсутствием определений гуманитарных наук. Определение, которое вы дали, вам кажется строгим и четким. Что поменяется в этом определении, если мы слово «гуманитарная» уберем, а оставим только слово наука?

И второй вопрос, — какова эмпирическая база или методология вашего диагноза? Для меня все, что вы сейчас рассказали — это идеология. Можно согласиться с тенденциями, но, на мой взгляд, анализ очень идеологичен. Я не могу понять, почему у вас Греф и Кудрин оказались в рамках гуманитарного сообщества. Мне кажется, это следствие вашего определения гуманитарной науки.

Ответ:

Вопросы для меня очень интересны. Что изменится в определении гуманитарной науки, если убрать слово гуманитарная и оставить только слово наука? А давайте это продеваем. Вы не заметили, что изменилось? Изменилось то, что в определении задан предмет в области разумной человеческой деятельности. Свойство определений заключается в чем? Если убрать прилагательное от коренного существительного в левой части, то все остальное изменится только в какой-то части, а в остальном останется. Гуманитарная наука — это, прежде всего, наука, но наука такая-то, предмет которой вот такой-то. Вот это изменяется, если в данной жесткой логике дефиниций что-то меняется.

Второй вопрос тоже для меня симптоматичный. Вам показалось, что методология изложения результатов моего исследования в докладе идеологизирована. Опять мы подходим к той терминологической ловушке, в которой слово идеология нужно оговаривать. Я идеологию в своем докладе вводил в политическом, политологическом смысле. Идеология как обоснование своих претензий на власть и воспроизводство во власти. И только так. Но идеология не политическая, а содержательная у науки может быть. Идеология решения задачи может быть. Идеология подхода к решению семейных проблем может быть. Вполне возможно такое расширительное, бытовое, если угодно использование того же самого термина. Поэтому, если я сейчас сделаю необходимую оговорку, что для меня идеология — это характеристика, обоснованность политической практики, то в моем исследовании никакого политического заказа, никаких политических претензий на власть, изготовления платформы в рамках PR-технологии, готовясь к походу на выборы, нет и не найдете. Было только желание строго сформулировать задачу, поставленную научным руководителем семинара. Я сказал в самом начале доклада, что не должны забывать об этой постановке. Именно в рамках этой постановки задачи я

и действовал. Следующая половина вашего вопроса тоже очень важная. Что за методология, что за эмпирика, что за феноменология лежат в основе нашего исследования? Я могу сказать, что наш Центр, на где мы сейчас находимся — это одна из фабрик мысли. С одной стороны мы работаем с десятками, даже сотнями экспертов из разных областей наук и знаний, в основном, из гуманитарных. С другой стороны, с властными структурами. Это уже статистическая выборка, в которой, по крайней мере, сотни примеров, подходов к постановке задач, методов решения задач, стилистики ученых, экспертов, их результатов. В этой выборке, я могу вам доложить, потом я могу количественно это выразить — процент конечного продукта, выдаваемого классическим российским гуманитарием и полезного для практики властвующих органов и структур, не выше, может быть, 5%. Остальные 95% — это писание на тему. Тут Межуев совершенно справедливо говорил о том, что никакой пользы, никакого конструктивного совета чиновник от гуманитария не получает. К слову сказать, это дает основание Фурсенко и либеральной группировке, преобразующей РАН, российскую науку, вузовскую, в том числе, утверждать, «что они сгнили на корню». Что всех этих академиков под 60 лет надо в Академии сократить, что РАН надо привязать к Минобразования. Там им будут назначать ставки арендной платы за их квадратные метры и т. п.

Сами ученые виноваты, что до этого довели.

Вопрос (В.М. Межуев):

У меня короткий вопрос, по существу. Вы говорите о роли гуманитарного знания в преобразовательной деятельности. Преобразовательная деятельность предполагает наличие цели. Просто так ничего не преобразуется, ради самого преобразования. Наука гуманитарная дает для преобразования цели или средства? А если цели, откуда она их берет?

Ответ:

Спасибо, очень важный вопрос. Могу заверить, что когда мы реально столкнулись с надобностью выстраивать сложнейшие, на сотни разветвляющиеся задачи государственного управления, то первое с чем мы столкнулись, так это то, что в реальной государственной практике российской власти понятие цель отсутствует. Более того, отсутствует ее ценностное измерение. Цели как таковые иногда присутствуют — например, «расколхозить» все колхозы за два месяца. Как это делалось в 1991 г., очень хорошо помню. Или приватизировать такой-то процент таких-то предприятий в такой-то срок.

Мы пришли к пониманию, причем это понимание взято не с потолка, это были мучительные, в том числе аналитические поиски, в том числе, смею думать, на каком-то уровне и философские рассуждения, что цель в государственном управлении оказывается двоякой. Она может быть ценностной целью, содержать в себе, безусловный, позитивный, желаемый результат, тут же мы понимаем для кого — для субъекта, т. е. возникают субъектные характеристики. Это уже уточненное, углубленное, такое ветвящееся знание категорий позволило нам выявить следующее. Что есть ценностная цель и другая, вроде бы тоже цель, но которая находится на этаже управленческих средств. У тех, кто является исполнительной властью, управленческой командой — свои цели. Именно технократизированные цели — «расколхозить», приватизировать и т. д.

Чиновника на этом уровне ценностное содержание не волнует. А волновать оно должно на другом, на политическом, властном уровне. Отсюда возникла целая концепция построения политической, властной и государственно-управленческой деятельности, в российском случае — двухэтажное. Отсюда вытекла... Впрочем, я вам начинаю рассказывать уже целый отчет о наших прикладных научных исследованиях. В конечном итоге их результатом является

предложение ввести в систему российского законодательства и политической нормативистики своеобразную пирамиду. Поменять статус, место и правовое наполнение доктрин, концепций, стратегий. Определить как должно сочетаться планирование стратегического развития со среднесрочным, с текущим, как оно должно сочетаться с законодательством, с подзаконными актами и т. д. Иными словами, Вы дали замечательную подачу — а что же гуманитарная наука чиновнику может произнести в ответ на вопрос, что есть цель? Оказывается чрезвычайно много, а цена, в итоге, этой развертки категорий — это жизни людей, например. Потому что 28 млн душ в результате бездумного властного управления в стране с 1991 г. — это цена вот этого управления, где ценностных целей не устанавливалось. А мы предлагаем сделать иначе, мы хотим, по крайней мере, прекратить человеческое расточительство, введя в ценностное целевое пространство человеческую жизнь.

В.М. Межуев:

Я немного другой вопрос задал — что чему предшествовало: преобразование познанию или, по вашей схеме, познание преобразованию? Вопрос в том, почему родилась политическая экономия — потому, что капитализм родился или капитализм родился, потому что политическая экономия родилась?

Ответ:

У меня в докладе есть ответ на этот вопрос. Есть некая цикличность. Конечно, преобразование может предшествовать познанию, это эксперимент, это метод «тыка», это метод сенситивный. Но может быть и совершенно наоборот — опережающее отражение мира, когда вы построили теоретическую модель, предсказываете свойства мира, изменяете этот мир в соответствии с этим предсказанием и потом убеждаетесь, что были правы. Замечательный пример у Д. Гранина есть в «Иду на грозу» с поломкой крупного

станка. Его модификация (избавляющая от поломок) была предложена путем теоретических расчетов, т. е. это некий циклический процесс, в котором преобразование с познанием, эксперимент с теорией меняются местами. В принципе — это стандартный случай.

Вопрос (И.А. Гундаров):

Вы дали определение науки. Гуманитарными науками считаются те науки, где предметом является разум, сознание. В этой связи вопрос. Сейчас все более становится очевидным возможность перехода материального в идеальное и наоборот. Какая наука должна заниматься процессами трансформации?

Второй вопрос — скажите, какие вы можете назвать научные школы на Западе, которые работают так, как вы сказали, в которых предметом является дух, сознание?

И третий вопрос. Если, действительно, положить, предмет гуманитарного знания так, как вы считаете, то не является ли актуальнейшей потребностью этой науки необходимость сейчас приступить к разработке того потребного будущего, которое должно придти на смену капитализму? Потому что в рамках предшествующих научных подходов, они как бы исчерпали себя. Возникла необходимость возникновения нового поиска.

Ответ:

Опять мы попадаем в ловушку терминологических вольностей. Я не могу принять тезис, что «сейчас все больше свидетельств или фактов о том, что идеальное переходит в материальное, материальное в идеальное». Я просто этот тезис не принимаю. Я знаю, например, как энергия по формуле Эйнштейна, переходит в массу и наоборот. Я могу допустить, что есть какие-то познаваемые характеристики, которые когда-нибудь, сейчас я о таких не знаю, могут быть отождествлены с тем, что мы сегодня называем разумом. Они, может быть, неким образом по аналогу форму-

лы Эйнштейна связаны с тем, что мы называем материей: неодухотворенной, неодушевленной, неоразумленной. Поэтому тезис я не принимаю, и дальнейший ответ развить не могу.

Второе. В СССР гуманитарная наука заблудилась в том самом левом нижнем углу (см. рис. 5). А что происходило в мире, есть ли научные школы, предметом исследования которых является дух? Опять на грани ловушки. Дух в данном случае я бы не стал употреблять, потому что это скорее не научное и не светское словоупотребление, а духовно-религиозное, мировоззренческое, отчасти сакральное, мистическое, не верифицируемое с точки зрения знания. Именно поэтому религия основывается на догматах, на вере, не требует доказательств. Аксиоматика и догматика в том случае почти тождественны.

И.А. Гундаров:

Хорошо, снимаю слово дух, оставляю разум.

Ответ:

Конечно, есть. Это целый спектр научных школ, в том числе, например, такая, которую наш соотечественник Сорокин зародил и у нас и на Западе: школа социологии. Если мистифицировать опять-таки термин разум, то да, социология разумом не занимается. Я знаю научное направление, которое развиваете вы. Вы даже обозначаете эту искомую сущность как фактор X, но вы даже не определяете, что это такое? Вы говорите «нечто», а потом спрашиваете, а занимается ли кто-нибудь этим нечто? Пойди туда — не знаю куда, ответь на вопрос, не зная о чем. Я же ввожу в свое умопостроение понятия разума и разумной деятельности, отличающее человека оразумленного, от человека—«овоща». Вот тут проходит граница.

И.А. Гундаров:

Так это материя или не материя?

Ответ:

В данном случае — это не материя. Разум, разумная деятельность — это результат проявления не материи.

И.А. Гундаров:

Я хочу уточнить, а на Западе кто занимается нематерией? Или идеальной реальностью?

А.И. Неклесса:

Я могу сказать, из данного круга дисциплин на сегодняшний день исполняется где-то 70 лет такой дисциплине в этой сфере, как принятие эффективных решений. Можно назвать 5 методологий — это исследование операций, это системный анализ, это системная динамика, это самоорганизующаяся критичность и пятая методология, которая на сегодняшний день не имеет точного названия — ее условно называют генетическая или антропологическая. Центр, если называть, который на сегодняшний день, потому что их много — это Институт Санта Фе. Это все-таки четвертая, а не пятая методология, которая наиболее распространена, ведущей фигурой является М. Гелл-Манн, руководитель этого института, а наиболее политизированная фигура в данной области — это Стивен Бланк.

С.С. Сулакишин:

Был еще третий вопрос, я очень коротко отвечу. Есть ли целесообразность, чтобы напрячь гуманитарные науки или интеллектуальный потенциал общества для того, что спроектировать образ будущего, стремиться к нему, заниматься строительством новой действительности, — более гуманной, более эффективной, более устойчивой? Конечно, да.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Есть ли какие-то показатели, которые бы могли точно определить источники кризиса гуманитарной науки? Есть ли он на Западе?

И второй вопрос. Предполагаете ли вы, что кроме рекомендаций экспертно-аналитического сообщества в государстве при принятии решений действуют какие-то другие факторы, которые влияют на разработку государственной политики, стратегии и различного рода программ?

Ответ:

Первый вопрос вообще-то распадается на два в чем источники кризиса? И как его измеряют? В чем индикаторы кризиса? Например, индикатор кризиса — это индекс мировой цитируемости российских ученых. Другой индикатор — это внутренние замеры, которые я собственными руками делал по статистике, я об этом говорил, — это беспомощность применения теорий или, скажем, методологий, или наполненность водой результатов российских гуманитарных наук применительно к актуальным практическим вызовам. Вот простой вопрос — что делать с вымиранием страны? Демографы, историки, политики, психологи, медики и т. д. — они только и смогли посоветовать, что матерям денежки выдавать. Беспомощность этого решения совершенно очевидна. Можно продолжить, это выводы не вкусовые, они основаны на эмпирике, на некоторых статистических выборках.

Что касается Запада, то я не знаю, что они вкладывают в это слово «кризис». Может быть кризис — это насыщение у заказчика, бизнеса или государства потребностей, которые они получали в виде оплачиваемых заказов на те самые гуманитарные науки. Не знаю, надо проанализировать, что они имели в виду.

По поводу других факторов, безусловно, да. Самый главный фактор — это субъективная воля властвующего уполномоченного лица реализовать принцип: «я во власти, что хочу, то и ворочу».

И ни советы ученого, ни даже опасность потерять собственное кресло, из-под которого дым может повалить, его не останавливают. Там очень много факторов. На самом

деле вопрос парадоксально интересен чем? Сам этот предмет: каковы факторы, мотивирующие властные решения, чем эти властные решения в результате формируются для реальных властвующих индивидов, их команд, их иерархии — это тоже предмет для анализа. Могу признаться, что одна из исследовательских тем, которую мы ведем так и называется: «Методология формирования и функционирования управленческой команды высшего звена с лидером во главе». Очень интересная тема, очень неоднозначна.

Вопрос (В.В. Аверьянов):

Первый вопрос — Вы говорили о несчастном советском пространстве. Параллельно в 1960–1970 гг. на Западе и не только там происходил кризис гуманитарного знания. Почему возникает такое самобичевание по отношению к несчастному советскому знанию? Оно было несчастным везде. Где критерии того, что именно советские гуманитарные науки так низко скатились?

Второй вопрос — Межуев построил очень красивую парадигму: философия как служанка богословия, философия как служанка науки, философия как служанка философии, в конце концов. А это и есть философия как служанка идеологии, на мой взгляд. Философия все-таки стоит в центре гуманитарного знания. Кому, на ваш взгляд, она должна служить? Что является тем центрирующим, стоящим за ее спиной началом, которое определяет, в каком-то смысле, диктует ей как источнику гуманитарного знания подходы, методы и т. д.

Ответ:

В период СССР российской гуманитаристике был нанесен большой ущерб, потому что она была подвержена идеологическому манипулированию, прессингу, давлению, модулированию. После пересменки в 1991 г. в РФ возникли два фактора. Первый, это контридеология либерализма, а второй — это отсутствие заказа. Ни государству не стала

нужна российская гуманитаристика, ни пока еще бизнесу. Может быть, второе, в какой-то мере, будет исправляться. Что касается философии, для меня это, безусловно, наука, я с Межуевым здесь тоже не схожусь. Она не является строго определенной наукой, это целый спектр, исходя из моих умопостроений, воззрений — от чувственных, на грани пока невозможности, действительно, пока понять, что есть дух, разум по отношению, в сравнении, на фоне материального, до прикладных, философских, хотите отраслевых направлений, которые подпитывают многие науки — философии истории, философии политологии, философии технологии, чего угодно. Поэтому мой ответ на Ваш вопрос звучит таким образом — он технологизирован, я снова и себя призываю, и всех — дефиниции должны быть применительны к задачам, которые необходимо решать. А просто так, во всеобщем плане, во имя непонятно каких целей и обстоятельств и конкретных ситуаций дефиницию дать невозможно.